А.Д.Тюриков

«…И вот начинаются русские осенние дожди и вырывают из рук немецких солдат уже почти завоеванную победу». Метаистория битвы за Москву (октябрь 1941 года)

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?..
Но бог помог...
А.С.Пушкин

О Великой Отечественной войне 1941–1945 годов написаны тысячи книг, монографий, статей, сняты сотни кинофильмов. Но на главные вопросы до сих пор ответов мы не имеем. Как случилось, что всего через несколько месяцев после начала войны фашистские войска захватили огромную территорию Советского Союза, а вся довоенная Красная армия, потерпев множество поражений, была полностью разгромлена? Почему немецкие армады, подойдя осенью 1941 года вплотную к Москве, так и не смогли в нее войти? Каким образом советские войска сумели победить сильнейшую армию Европы?

Традиционная историческая наука не отвечает на эти вопросы. Решение мы найдем только в пространстве метаистории. Ее проблемами занимались русские философы и ученые-космисты В.С.Соловьев, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Л.П.Карсавин, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский. Метаисторическими источниками являются труды философа и просветителя Е.П.Блаватской. Крайне важен творческий и жизненный опыт художника, ученого и общественного деятеля Н.К.Рериха, «впервые выступившего как метаисторик, и теоретически, и практически» [1]. Поэт и философ Даниил Андреев попытался заложить основания метаисторического познания в сочинении «Роза Мира». В наши дни теория метаистории создана философом, историком и

директором Музея имени Н.К.Рериха Л.В.Шапошниковой.

Метаистория имеет космический характер и несет в себе «первопричину исторического земного процесса» [2], она является «ноуменальной стороной» и «истинной метафизической основой» истории [3; 4]. В метаисторическом процессе непосредственно участвуют Высшие существа Вселенной, или Космические Иерархи, представляющие *одухотворенный Космос* [5; 6].

Одной из реалий метаисторического процесса является постоянная борьба Света с тьмой, нового со старым, космического с земным. С XX века в духовно-культурном пространстве России наиболее активно идет космическая эволюция. Поэтому эта страна стала ареной жесточайшей битвы сил Света, или Провиденциальных сил, с силами тьмы, или демоническими силами [7]. Во главе сил Света встал зачинатель и защитник земли русской и наставник ее народа Сергий Радонежский [8]. Субисторические силы низших миров (силы тьмы) действовали через своих посредников Сталина и Гитлера. Они сделали все возможное, чтобы Россия была стерта с лица земли, один – изнутри, другой – извне [9].

Предательскими и преступными действиями Сталина Россия была подготовлена к уничтожению. Развязанные им репрессии 1930-х годов поглотили миллионы человек, в том числе и командный состав Красной армии, и погрузили страну в атмосферу лжи, страха и насилия [10]. Советская система в то время основывалась на массовом государственном терроре. В России установился бесчеловечный режим. В состояние дезорганизации пришло сельское хозяйство, промышленные, военные, научные, культурные и другие структуры. «Сталин разрушал собственную страну, а Гитлер, наоборот, укреплял Германию и добился успеха после экономического кризиса» [11]. Более того, советский диктатор 23 августа 1939 года подписал договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (пакт Молотова-Риббентропа), не мешая Гитлеру захватить Европу. Сталин при встрече с имперским министром иностранных дел И.Риббентропом 27 сентября 1939 года откровенно заявил, что «Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю» [12]. Именно в 1939–1941 годах вермахт в ходе разгрома европейских армий обрел боевой опыт и небывалую мощь. Он готовился к походу на Восток.

22 июня 1941 года Россия подверглась внешнему нападению гитлеровских полчищ, началась Великая Отечественная война. Ее особенность состояла в том, что она имела космическую сторону. Используя методологию Учения Живой Этики, Л.В.Шапошникова в трудах «Земное творчество космической эволюции», «Метаисторическая живопись Н.К.Рериха», «Сожжение тьмы» дает трактовку отдельных событий войны. Она пишет, что в ней «участвовали три силы – тьма, Свет в виде Высших космических миров и еще один Свет – советский народ» [13]. Действие этих трех сил явственно проявило себя в битве под Москвой осенью 1941 года. Это нашло отражение в знаменитой песне «Священная война». В ее названии и тексте говорится о присутствии в происходивших событиях, помимо видимых противоборствующих сторон, надприродного, инобытийного (священного) начала. Песня стала ежедневно звучать по всесоюзному радио с 15 октября, в трагические дни обороны столицы:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, –
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:

За свет и мир мы боремся,
Они – за царство тьмы.

Во время Великой Отечественной войны Сталин продолжил свою разрушительную деятельность. Многих окружений и разгромов советских войск можно было избежать, если бы не некомпетентные приказы Верховного Главнокомандующего, которые вдобавок налагались на низкий профессиональный уровень командиров и военачальников, слабую боеспособность войск и устаревшее вооружение. Для победы потребовались невообразимые духовные и героические усилия и гигантские человеческие жертвы народов Советского Союза. Все они совершили великий подвиг и спасли родину и мир от коричневой чумы.

Наступательная операция «Тайфун» немецкой группы армий «Центр», начавшаяся 30 сентября 1941 года, в течение нескольких дней сокрушила оборону Красной армии. Войска трех фронтов оказались в Вяземском и Брянском котлах. С 7 по 18 октября пали Вязьма, Брянск, Орел, Калуга, Калинин, Можайск, Малоярославец. Защищать Москву было некому и нечем, врагу до нее оставалось менее ста километров... И тогда *в результате влияния Космических сил на погодные условия* фашистские части, представлявшие тьму, намертво встали в полушаге от советской столицы [14]. В это время журнал боевых действий штаба группы армий «Центр» информировал: «В ночь с 18 на 19 октября на всем участке фронта группы армий прошли дожди. Состояние дорог настолько ухудшилось, что наступил тяжелый кризис в снабжении войск продовольствием, боеприпасами и особенно горючим. Состояние дорог, условия погоды и местности в значительной мере задержали ход боевых операций. Главную заботу всех соединений составляет подвоз материально-технических средств и продовольствия» [15].

О катастрофическом воздействии дождей и распутицы [16] на продвижение немецких войск в октябре-ноябре 1941 года рассказывают дневники одного из руководителей нацисткой Германии Й.Геббельса, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта Ф.Гальдера, командующего группой армий «Центр» Ф. фон Бока и командира 43-ого армейского корпуса Г.Хейнрици. Об этом же можно прочесть в «Описании хода боевых действий 4-й танковой группы с 14 октября по 5 декабря 1941 г.», подготовленном ее командующим Э.Гёпнером.

Й.Геббельс отметил 4 октября в дневнике: «Фюрер убежден, что если погода хотя бы отчасти будет благоприятной, советские вооруженные силы в основном будут разбиты в течение четырнадцати дней. Погода… это решающий фактор». Но надежды не сбылись, через неделю он констатировал: «К сожалению, погода в настоящее время пока еще перечеркивает все планы общего прорыва на Востоке. На центральном участке фронта и на северном скверная погода, дожди, улицы и все дороги полностью размыты, так что транспорт едва в состоянии передвигаться…» И далее идут подобные записи: «…Погода не оправдывает наших последних ожиданий, и мы преодолеваем чудовищные транспортные и дорожные трудности…» (12 октября);

«Дороги из-за скверной погоды стали непроходимыми. Моторизованные воинские части практически вообще не могут продвигаться» (13 октября). Дело дошло до того, что Гитлер «запретил передавать информацию о состоянии погоды [всем], помимо узкого круга посвященных», и пришлось признать, что погода выступила «новым фактором оборонной мощи большевиков» (16 октября).

Геббельс постоянно сетовал на «бога погоды», который «обманул» (15 октября) упования нацистов: «Если бог погоды хоть в чем-то будет на нашей стороне, тогда мы справимся и с трудностями, связанными с транспортной обстановкой» (16 октября); «На фронте все еще отвратительная погода. <…> Бог погоды в ходе войны уже изрядно позабавился с нами» (19 октября); «Все время скверная погода, в Берлине она такая же, как и на фронте. Намерен ли бог погоды когда-нибудь вообще проявить свое благоразумие» (20 октября); «Это просто черт знает что такое, какие скверные штуки он [бог погоды] уже сыграл с нами в ходе войны. <…> До сих пор она [погода] оставалась лишь нашим врагом» (22 октября); «Военное положение: на Восточном фронте погодные и транспортные условия еще более ухудшились. Лишь пехота в состоянии передвигаться, для каких бы то ни было транспортных средств это невозможно. <…> Если бы только бог погоды проявил свою благосклонность, то мы теперь на Востоке уже одолели бы все трудности» (23 октября); «Военное положение: на всем Восточном фронте погода по-прежнему крайне скверная. Вследствие этого дорожные условия заметно ухудшились; сложились скверные [дорожные] условия как на автострадах, так и на неплохих [грунтовых] дорогах. Это привело в некоторые случаях к тому, что отдельные части вынуждены были полностью прекратить продвижение вперед, даже там, где противник отступил… <…> Англия снова упоминает о дожде, снеге и зиме как о союзных генералах-союзниках. В чем-то в Лондоне и правы; но все же по-прежнему надеемся, что в ближайшие дни, по крайней мере, погода улучшится так, что мы все же сможем наступать. Все уже готово, вот только недостает погоды. Четырнадцати дней более или менее сносной погоды было бы, вероятно, достаточно, чтобы сломить последние очаги большевицкого сопротивления. <…> Погода! Погода! Она постоянно плохая как в Берлине, так и на фронте. Я почти уже потерял надежду, что мы еще когда-нибудь в этой кампании сможем увидеть ее нашим союзником» (24 октября).

30 октября Геббельс приходит к выводу: «Погодная обстановка на Востоке делает невозможными практически все наши военные действия. Мы должны ясно себе представлять, что тем самым война против Советского Союза решающим образом затягивается». Но при этом он уверен, что «погода, какая бы она ни была, не может повлиять на историю». Но это было заблуждением: именно она «разрушила все ожидания и погрузили в грязь и снег военные действия немцев» (12 ноября). Поскольку их «большое наступление» «увязло в грязи» и «дивизии по большей части едва ли могли продвинуться хотя бы на шаг вперед» (31 октября; 1 ноября), то оно и было прекращено с начала ноября до наступления морозов [17]. Министру пропаганды оставалось только призывать и призывать «бога погоды» проявить «свое расположение» к

немецким войскам и «благоприятствовать им хотя бы еще десять-четырнадцать дней», дав «морозную погоду без снега» (10 ноября). По его мнению, военная кампания 1941 года должна «войти в историю не как кампания Гитлера против Сталина, а как кампания Гитлера против бога погоды» (15 ноября) [18]. Действительно, в битву Красной армии и вермахта вмешались силы Света, которые Геббельс образно называл «богом погоды», а А.С.Пушкин – «русским богом».

Ф.Гальдер вторил Й.Геббельсу: «…Вся наша операция по преследованию противника после двойного сражения в районе Брянск, Вязьма в настоящее время приостановилась вследствие неблагоприятной осенней погоды. <…> На самом же деле войска завязли в грязи и должны быть довольны тем, что им удается с помощью тягачей кое-как обеспечить подвоз продовольствия» (3 ноября); «…Действия войск групп армий “Юг” и “Центр” полностью скованы безнадежно плохими условиями погоды» (7 ноября) [19].

«Ужасающие дорожные условия» и «слякоть и грязь» были постоянной темой в дневнике Ф. фон Бока: «Доставка горючего прежним окружным путем с юга не может осуществляться по причине ужасного состояния грунтовых дорог» (9 октября); «Погода начинает портиться; идут попеременно то дождь, то снег, температура падает» (10 октября); «Из-за бесконечных сражений, а также по причине ужасных дорожных условий, Гудериану до сих пор не удалось возобновить движение в северо-восточном направлении» (13 октября); «На восточном фронте 4-й армии наблюдается лишь ограниченное продвижение – из-за утонувших в грязи дорог и усиливающегося сопротивления русских» (14 октября); «…Купающиеся в жидкой грязи дороги превращают какое-либо передвижение моторизованных частей в тяжкое испытание для людей и техники. Ухудшение погоды, как-то: перемежающиеся ливни, снегопады и заморозки, а также необходимость передвигаться по неописуемым дорогам сильно сказываются на состоянии техники, вызывают переутомление личного состава и как следствие этого падение боевого духа» (15 октября); «4-я армия также движется крайне медленно из-за ужасных дорожных условий» (16 октября); «Идет снег; состояние дорог ужасное» (17 октября); «4-я армия докладывает, что танковый корпус Кунтцена достиг Малоярославца, а XXXX корпус – Можайска. Сможем ли мы воспользоваться этими успехами, зависит преимущественно от погоды» (18 октября); «Войска группы армий постепенно начинают застревать в грязи и болотах. 3-я танковая группа почти не получает горючего. Снабжение войск через Брянск и по шоссе, ведущим к Москве, сопряжено с невероятными трудностями. Дороги, проходящие через Брянск, в ужасном состоянии» (19 октября); «Поехал по шоссе на фронт, чтобы лично разобраться с трудностями со снабжением, о которых постоянно упоминается в рапортах. Главная причина этих трудностей заключается в том, что мосты по пути к фронту взорваны, и подвоз продуктов и военных материалов осуществляется обходными путями по совершенно разбитым, купающимся в грязи дорогам, которые в своем большинстве совершенно непроходимы для автотранспорта» (20 октября); «Русские беспокоят нас куда меньше, нежели слякоть и грязь. Наблюдается ограниченное продвижение в секторах 4-й армии и левого крыла 9-й армии. 2-я танковая армия и 3-я танковая

группа засели в грязи и почти не продвигаются. <…> Мной заготовлен проект приказа, в соответствии с которым моторизованным частям, парализованным из-за дорожных условий, предлагается временно оставить свои машины и создать сводные отряды с легкой артиллерией с целью использования их на фронте. Я не могу себе позволить, чтобы тысячи солдат слонялись без дела за линией фронта» (21 октября); «Непрекращающиеся сражения, дурная погода и ужасающие дорожные условия требуют от людей и техники почти невозможного. Гудериан докладывает, что общее перенапряжение особенно сильно сказывается на боевом духе личного состава дивизий его головного XXXXIV корпуса» (22 октября); «Гальдер ответил, что со мной согласен и что тоже считает поворот танковой армии на Воронеж неправильным. <...> Я пообещал тщательно исследовать ситуацию на северном крыле, но при этом указал, что в настоящее время большое наступление моторизованных частей там невозможно по той простой причине, что все боевые машины по самую ступицу колес увязли в грязи» (26 октября); «Поздно вечером я снова разговаривал с Хойзингером, так как Гальдера на месте не оказалось. Я сказал ему, что поворот танковой армии на юг невозможен из-за дорожных условий. Кроме того, я сказал, что в случае поворота корпуса его ждут большие трудности со снабжением. <…> Отвечая на вчерашний запрос Верховного командования сухопутных сил, я изложил в докладной записке мнение группы армий. Там было сказано следующее: поворот 2-й танковой армии на Воронеж в настоящее время невозможен по причинам снабжения и дорожных условий. Наступление танковых сил в направлении Рыбинска представляет огромные трудности в силу тех же самых причин» (27 октября); «…LVI (моторизованный) корпус <…> из-за ужасных дорожных условий застрял где-то на полпути» (29 октября); «Ослабленное острие наступления Гудериана достигло южных пригородов Тулы, которую противник готовится оборонять. Остальная техника отстает и вязнет в грязи на ужасных дорогах. <…> Погода мерзкая. <…> Тщательное изучение обстановки выявило то обстоятельство, что осуществлять снабжение продовольствием и амуницией трех дивизий в оперативной зоне V корпуса нет никакой возможности. Ситуация, конечно, абсурдная...» (30 октября); «Клюге вернулся из главной штаб-квартиры. Фюрер попросил его описать в деталях условия, в которых 4-й армии приходится воевать; в особенности же его интересовали трудности, связанные с погодой и ужасными дорожными условиями. Похоже, он не склонен верить рапортам, и это неудивительно, так как пока не увидишь всю эту грязь и слякоть собственными глазами, трудно представить, что такое возможно» (31 октября); «Положение у нас и в самом деле хуже некуда, поэтому всякий раз, когда я вижу на карте Крым, меня охватывает зависть. Там наши войска уверенно продвигаются вперед, имея твердую землю под ногами и ясное небо над головой; русские бегут или же сдаются в плен. То же самое было бы и здесь, если бы мы не увязли по колено в грязи» (1 ноября); «Министр Геббельс, решивший посетить группу армий по приглашению Браухича, вынужден был на полпути повернуть назад из-за ужасных дорожных условий и нелетной погоды» (2 ноября); «Состояние дорог ухудшилось еще больше. Даже шоссе кое-где подмыло. Так что снабжение войск дается нам теперь с величайшим трудом. Представители Верховного командования могут пробраться к линии фронта лишь в нескольких местах. Личный состав соединений утомлен до крайности. <…> По дороге домой встретил артиллерийский полк из 5-й дивизии, двигавшийся на запад. Трудно распознать военную колонну под толстой коркой грязи, которая сплошь покрывает людей, лошадей, орудия и моторизованные транспортные средства» (3 ноября); «На южном фланге 2-й танковой армии продолжаются атаки противника; отогнать его всякий раз стоит немалых трудов. Многие моторизованные подразделения армии все еще стоят как вкопанные на заполненной жидкой грязью дороге Тула – Орел – Карачев. Части одной из дивизий застряли в Севске. Это примерно в 300 километрах от Тулы. Принимая во внимание нынешнее потепление, сомнительно, чтобы все эти части подтянулись к Туле в ближайшее время» (8 ноября). 7 декабря Ф. фон Бок подвел итоги: «Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги. В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось» [20].

Генералы Э.Гёпнер и Г.Хейнрици нарисовали поистине апокалиптическую картину

положения, в котором оказались подчиненные им войска, буквально утонувшие «черном бездонном болоте» дорог [21]. То, что один из них назвал «иронией судьбы» [22], было на самом деле сознательным действием надчеловеческих сил, «вырвавших из рук немецких солдат уже почти завоеванную победу» [23].

Отчет Э.Гёпнера: «4-я танковая группа начала свое наступление на Москву в середине октября 1941 года… <…> …Благоприятная погода изменила нам, и почти 4-недельные непрерывные дожди сделали все дороги совершенно непроходимыми ни для действующих соединений, ни для тыловых служб. <…> 18 октября моторизованные части 40-го корпуса овладевают Можайском, и тут на помощь противнику приходит союзник, которому удается то, что не в состоянии были сделать русские, несмотря на миллионные жертвы, на оборонительные позиции. Уже во время боев у Ельни и Бородино выпал первый снег, и вот начинаются русские осенние дожди и вырывают из рук немецких солдат уже почти завоеванную победу. День и ночь льет дождь, идет снег. Земля как губка впитывает влагу, и в жидкой по колено грязи задерживается немецкое наступление. В Москве облегченно вздыхают. Нависшая угроза остановилась в 80 км от Кремля. <…>

В том же походном порядке, в каком дивизии 4-й танковой группы наступали, машина за машиной остановились они в жидкой грязи не в состоянии двинуться с места. Они стоят в цепкой глине холмистой равнины между Москвой и Смоленском и в болотах вдоль русла Москва-реки и ее многочисленных притоков. Все, что завязло в клейком грунте, невозможно сдвинуть с места. Каждый шаг – это напрасная трата энергии, каждый поворот колеса – напрасная попытка, каждое движение – не вперед, а только глубже в скользкую, клейкую слякоть грунта. Чем больше стараются вытянуть машины и тяжелое оружие, тем сильнее погружаются они в эту жидкую грязь. Пушки ушли в грунт по самые ступицы колес, и даже танки и тягачи должны признать, что есть границы и для их проходимости. Все усилия, все напряжение воли бесполезны. Солдаты обматывают колеса цепями, используют подставы, домкраты, буксиры и лебедки. Саперные и строительные подразделения вместе с водителями, вооружаясь лопатами, пытаются найти дорогу под потоками жидкой грязи. Все напрасно. Стоит только ценою огромных усилий очистить, наконец, твердый грунт, как первая же проходящая колонна или новый ливень опять превращает дорогу в серо-коричневое непроходимое месиво. Бревенчатые гати через пару часов бесследно тонут в этой жидкой глине. Можно прийти в отчаяние. Для того чтобы сделать переход в 10 км, требуется теперь двое суток, или эти 10 км нельзя преодолеть вообще. Подвоз прекратился совершенно. Боеприпасы, горючее для транспорта и хлеб ценятся на вес золота. Раненые не могут быть отправлены в тыл, ни одна санитарная машина и даже ни один “Юнкерс” не могут добраться до войск. Авангард наступления продвигается вперед еле-еле на несколько метров. Аэродромы, как и дороги, тонут в жидкой грязи. Самолеты не могут ни приземляться, ни взлетать. Таково положение наступающих под Москвой. <…>

Главная 70-километровая магистраль между Гжатском и Можайском совершенно скрылась

под жидкой грязью. Она похожа на гигантское глинистое поле, покрытое воронками до метра глубиной. Сотни грузовых автомашин стоят на дороге в ожидании морозов, которые помогут им сдвинуться с места. Поэтому перекресток дорог у Шаликово часто целыми днями закрыт для проезда. Несмотря на то, что строительные и тыловые части используют каждую минуту дневного времени для ремонта дорог, тяжело нагруженные транспортные колонны погрязают в жидкой глине, продвигаясь вперед лишь на несколько метров. Артиллеристы прицепляют свои машины к тягачам, саперы, зенитчики и танкисты посылают в тыл свои тяжелые гусеничные машины, которые должны помочь пройти транспортным колоннам. Но все это напрасные усилия. Доставленного с таким трудом горючего хватает равно настолько, чтобы обеспечить им тягачи, и, в конце концов, весь этот тяжелый труд пропадает даром. Войска на переднем крае вынуждены довольствоваться тем немногим, что можно найти у населения. Утром, днем и вечером – одна и та же картошка. Хлеб ценится на вес золота, и не один генерал [изо дня] в день получает только пшенную кашу, в то время как нагруженные транспортные колонны, утопая в грязи, не могут сдвинуться с места. Организовать снабжение с помощью авиации также совершенно невозможно, т.к. аэродромы выглядят не лучше, чем дороги. Тяжелые машины не могут взлететь с липкого глинистого грунта.

10-я танковая дивизия, которая из всех дивизий 4-й танковой группы продвинулась вперед дальше всех, застыла в грязи в своем боевом порядке. <…> Сначала дивизия ведет войну с природой. Каждое утро выезжают на работу рабочие команды, чтобы прокладывать дороги от деревни к деревне. Через всю местность прокладывается бревенчатая гать. Пехотинцы и артиллеристы валят деревья и кладут бревно к бревну в глинистый жидкий грунт, в то время как их товарищи вокруг на огневых позициях несут караул в полной боевой готовности. Тяжелое оружие охраняет строительство бревенчатой дороги, протянувшейся на многие километры через густой лес и пашни. Все возможные силы брошены на это строительство. У каждого орудия остается только по два человека. Этот героический труд, который часто прерывается атаками противника, нельзя сравнить ни с чем. Рядом с прокладываемой дорогой кое-где вырастают холмики солдатских могил» [24].

Дневник Г.Хейнрици: «После того как сопротивление красных войск западнее и южнее Москвы было сломлено, на защиту России встала природа. <…> Большая часть колонн увязла в непролазной грязи, в болоте, в дорожных колеях, рытвины от снарядов достигают полуметра и заполнены водой. Грузовики и без того еле ехавшие теперь сломались полностью (запчасти достать невозможно). Бензин, хлеб, овес – ничего не доезжает. Конные повозки тоже застряли, орудия невозможно доставить, весь личный состав, пехота или кто угодно, больше толкает машины, чем сражается. Дороги усеяны трупами лошадей и сломанными грузовиками» (23 октября); «Все встало из-за осадков и дорог. Мы застряли недалеко от Москвы, нашей цели. <…> Погода не дает возможности для легкой победы» (25 октября); «Мы потеряли всякую надежду. Весь наш подвоз застрял в грязи и бездорожье, в грузовиках нет бензина, у солдат нет хлеба, у лошадей нет овса. Зачастую солдаты даже не знают, где же застряли их грузовики. Так как

изменения погоды ждать не приходится, *наше* продвижение будет очень медленным. У других частей с дорогами получше, и им остается 60 километров до Москвы, скоро подойдут к воротам города. Во всяком случае, погода неожиданно вставила нам палку в колеса, что весьма неприятно для нас. Никто не рискнет и не сможет даже представить себе состояние здешних дорог. Жирная грязевая каша сантиметров в 30–40 плывет по дороге, и когда едет машина или грузовик, то перед ними идет волна грязи, до тех пор пока транспорт не увязнет. На наших складах осталась лишь малая часть полагающихся нам запасов. В таких условиях ломается все больше грузовиков. Наши хорошие пассажирские автомобили пришлось оставить за 60 километров в тылу, когда вчера меняли позицию. Мы все время надеемся на улучшение погоды. Но чаще после того, как два дня моросит, на третий день льет как из ведра» (27 октября); «Наш главный противник – погода. Несмотря на несколько погожих деньков, дороги так и не высохли. Поскольку грузовики проехать не могут, то у нас нет ни топлива, ни бензина, ни хлеба, ни кофе и так далее, и боеприпасы заканчиваются. У нас хватает мяса, капусты, даже картошки (хотя и не в избытке). Есть и зерно, но вот овес заканчивается. В целом же мы застряли вместе со всей своей моторизованностью, так как отсутствует главная предпосылка для нее – твердые дороги. Природа победила технику. Нам очень повезло, что этого не произошло еще в конце сентября, когда мы начали уничтожать центральную группировку русских, однако какая ирония судьбы, что мы застряли прямо у ворот Москвы. Ближние к ней дивизии всего в 60 километрах от города, это три дня небольших переходов. Длань, так сказать, уже простерта над цитаделью коммунизма. У нас явное превосходство сил! И вот, десять дней назад бегун, что почти победил, застрял в грязи и не может вытащить из нее ноги! Сколько потребуется усилий, труда, жертв, чтобы изменить положение! Когда видишь людей, стоящих у полузатонувшего грузовика, под серым небом, под холодным ветром, плюющимся косым дождем, в грязи по голенища, шинель до пояса покрыта глиной, и они еще пытаются подкопаться под машину, срубают деревья и тащат поленья, которые нужно подложить под колеса, толкают, тянут, и все впустую. Постепенно весь паек съеден, наступает ночь, люди ночуют в машинах при 0–2° тепла. На следующий день та же песня. Наконец продвигаешься на пять километров и снова увязаешь» (30 октября); «Наша ситуация становится катастрофической. <…> Мы беспомощны, мы в тупике! В такой плохой ситуации мы еще не бывали. Погода вообще не меняется. Тепло и мокро. Тут надеешься на мороз, а на следующий день идет дождь. Так что дороги моментально становятся непролазными» (1 ноября); «Погода все время плохая, около 0°; ночью идет снег и подмораживает, днем стоит туман и идет дождь. Дороги либо настолько скользкие, что транспорт крутится как волчок, либо они превращаются в глубокое болото. Сейчас стоим в убогой деревеньке, наше жилище – кошмарный клоповник. Наши солдаты спрашивают, когда же это все кончится? Я могу только пожать плечами и сказать, что не знаю. Другие спрашивают, когда же они поедут в отпуск, на что в нынешней ситуации можно только улыбнуться. <...> Многие простудились из-за мерзкой погоды, и среди солдат из-за обовшивления все больше распространяется чесотка. Неделями невозможно было помыться. Одежда и обувь в войсках затерты до дыр и почти разваливаются» (8 ноября) [25].

Советские военные документы также сообщали об изменении погодных условий и непроезжем состоянии дорог в октябре-ноябре 1941 года: «Температура воздуха +1-3°. Ночью заморозок. Дороги: шоссе – удовлетворительное, грунтовые и полевые – неудовлетворительные» (6.10); «Температура воздуха ночью –2°, заморозок, вьюга. Дороги неудовлетворительные. Грязь» (7.10); «Температура воздуха +2-5°. Дороги испорчены. Грязь. Сотни машин застревают на проселочных дорогах. Часть машин настолько затянута грязью, что без помощи тягачей, тракторов их вытащить из грязи невозможно» (8.10); «Температура воздуха +1-3°. Выпал снег. Дороги испорчены. Грязь. Автомашины по-прежнему десятками застревают на дорогах» (9.10); «Температура воздуха +1-3°. Дороги неудовлетворительные» (10.10); «Температура воздуха –1-2°. Дороги неудовлетворительные» (11.10); «Температура воздуха –2°. Дороги неудовлетворительные и труднопроходимы автотранспортом» (12.10); «Температура воздуха +5-7°. Дороги неудовлетворительные и почти непроходимы для автотранспорта» (14.10); «На тракте было обнаружено большое количество автотранспорта пр[отивни]ка, застрявшего в грязи. <…> Температура воздуха +5-7°. Дороги почти непроходимы для автотранспорта» (15.10); «Температура воздуха +5-7°. Грязь. Дорогие неудовлетворительные, почти непроходимы для автотранспорта» (16.10); «Температура воздуха +7-9°. Грязь. Дороги почти и совершенно непроходимы для автотранспорта» (17.10); «Температура воздуха +4-6°. Дороги совершенно неудовлетворительные. Густая грязь сделала дороги почти совершенно непроходимыми для автотранспорта» (18.10); «Автоколонна пр[отивни]ка завязла в грязи. Голова – Чувардино, хвост – Лубянка. Другая автоколонна пр[отивни]ка также завязла в грязи, голова – Липец, хвост – Генеральщина. <…> Погода пасмурная, дороги размокли и для всех видов транспорта непроходимы» (19.10); «На дорогах по-прежнему стоят засевшие в грязи отдельные группы и колонные автомашин противника, часть которых буксируется тягачами и вытаскивается военнопленными. <…> Ночью и утром шел дождь. Погода пасмурная. Полная облачность высотой 100–200 м. Моросящий дождь в течение всего дня. Туман. Видимость 1–2 км. Температура +1-2°. Дороги размокли и для транспорта непроходимы» (20.10); «Погода: слабый дождь, местами туман, температура +5°. Дороги непроезжие для автотранспорта и труднопроходимы для гужевого» (21.10); «По-прежнему замечены нашей авиацией и бомбились на различных дорогах автоколонны противника, застрявшие в грязи. <…> Погода: дождливая, дороги размокли и для автотранспорта непроходимы. Труднопроходимы для гужевого транспорта. Видимость 4–6 км. Облачность. Температура +3-5°» (23.10); «Температура +4°. Дороги в непроезжем состоянии для автотранспорта и труднопроходимы для гужевого» (24.10); «Температура +3°. Дороги в непроезжем состоянии для автотранспорта» (25.10); «Дороги остаются в непроезжем состоянии для автотранспорта и труднопроходимы для гужевого» (26.10, 27.10); «Температура воздуха +1°. Состояние дорог не улучшилось» (28.10); «Температура +2-3°. Дороги для автотранспорта не[проходимы]» (29.10); «Температура +5°. Дороги для автотранспорта непроходимы – сплошная глубокая и вязкая грязь» (30.10); «Температура +7°. Туман. Моросящий дождь. Дороги в непроезжем состоянии для автотранспорта и труднопроходимы для гужевого» (31.10); «Погода: температура +9°. <…> Дороги не улучшились» (1.11); «Погода: температура +6°. Местами непрерывный слабый дождь. <…> Дороги в непроезжем состоянии для автотранспорта и труднопроходимы для гужевого» (2.11); «Температура +5°. Дороги не просыхают» (3.11); «Температура +4°. Дороги непроезжие» (4.11); «Температура –2°. Дороги подмерзли, но не улучшились» (5.11); «Температура –2°, дороги несколько подмерзли, но по-прежнему труднопроходимы для автотранспорта» (6.11); «Погода – температура –4°. Дороги в связи с промерзанием несколько улучшились» (7.11); «Температура +2°. Дороги размерзаются и ухудшаются» (8.11); «Температура +2°. Дороги размокли, ухудшились» (9.11); «Температура +1°. Дороги размерзаются и ухудшаются» (10.11); «Температура 0°. Дороги труднопроходимы для автотранспорта» (11.11) [26].

Начальник Особого отдела 50-й армии Брянского фронта, майор НКВД И.С.Шабалин в своем дневнике описал весь ужас отступления и окружения при тяжелейших погодных условиях: «Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел

сзади и окружил почти 3 армии, т.е. по меньшей мере 240 тысяч человек, которые занимали область размером приблизительно 600 км по кривой линии обороны. Прибыл приказ из Москвы руководству штаба: “Весь фронт должен отойти”. Громадные усилия, кажется, начнется бегство людей. Последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдавали города почти без боя. Командование фронтом потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву. Отступление! Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными. Гигантские усилия! Эту линию используют немцы, если мы их погоним назад» (7 октября); «Мы спали вчетвером в одной автомашине. Очень холодно. В 7 часов встали. Идет снег, он падает большими хлопьями. Мы позавтракали из старых запасов, случайно достали кипятку и хорошо согрелись. В 11 часов мы выехали в район Хвастовичи. По дороге двигается масса автомашин и людей. Грязь непролазная; вся дорога превратилась в тягучее тесто. В деревне Слобода мы остановились. Я встретил Никонова из 217-й стрелковой дивизии, он мне сказал, что их потери в людях составляют 75%, потеряна также часть вооружения» (10 октября); «Положение для армии печально; где тыл, где фронт, – трудно сказать. Кольцо, в котором находится армия, суживается. Обоз армии – это груз, все колонны тянутся туда. Армия терпит значительные потери в людях и материалах» (11 октября); «Всю ночь я не сомкнул глаз. Я потерял 2 автомашины. <…> Сильный холод. Нет ни перчаток, ни теплого белья. Я хожу в гимнастерке. Мы двигаемся очень медленно, застряли в болоте. Было около 1000 автомашин. Всю ночь мы строили переправу, переводили автомашины с помощью тягача и, несмотря на это, до утра не закончили. В болоте осталось около 50 грузовиков и приблизительно такое же число на поле. В 6 часов утра немцы начали стрелять из многих минометов» (13 октября); «Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. Со 2-го октября я не читал ни одной газеты» (14 октября); «Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. Я ходил в лес на рекогносцировку. У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась» (15 октября); «Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов. Около 7 часов утра мы встали и пошли на север. Стрельба продолжалась. На отдыхе я помылся. Мы достали продуктов питания и сварили обед. Я нашел для себя маленькое одеяло, полевую фляжку и сумку. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду. Под вечер мы пришли к деревне К. Адский холод, сыро. Мы построили палатки, разожгли огонь, высушили одежду, пошли вчетвером в колхоз и достали соломы. Мы спали очень беспокойно. На дороге мы видели немецкий обоз, пропустили его мимо. Наткнулись на мертвых красноармейцев. По пути лежат кучи брошенных противогазов и касок» (16 октября); «Я проснулся от голода. Красноармейцы уже разожгли огонь. Я высушил мою шинель. Вскоре позавтракали и затем отправились дальше. Уже третий день мы не имеем хлеба. Вышли для разведки на опушку леса. Немецкий разведывательный отряд обнаружил нас и обстрелял из миномета. Вечером мы перешли железную дорогу и канал, достали сена для ночевки. Немецкий патруль обнаружил нас и обстрелял из легких пулеметов и минометов. В пути я бросил сено. Ночь была ужасно холодна, хотя в лесу мы спали на сене» (17 октября); «Не позавтракав, продолжали мы двигаться через лес. Мы видели немецкий патруль. Перестрелки не было. Как всегда, шли через болото. Около 12 часов остановились позавтракать, высушили одежду, ели теплый суп и кашу, кусочек мяса на 4-х человек, немного картофеля и гороха. Я побрился. Ночью предстоит переход через шоссе. Оно находится под обстрелом. К сожалению, у меня нет больше одеяла, так как вчера во время перехода через железнодорожную линию оно исчезло. Ужасно холодно» (18 октября); «Всю ночь мы шли под проливным дождем через болотистую местность. Непроницаемый мрак. На мне нет больше ни одной сухой нитки. Моя правая нога опухла. Двигаться ужасно тяжело. На рассвете

мы остановились в лесу. С большим усилием я обсушился у огня и оделся, не поев и не поспав. Предстоит нам теперь путь через безлесную местность. Мы разделились на две группы, половина из нас не имеет оружия. Днем я вышел из лесу в качестве охранения, но безрезультатно. Разведка ходила за лес в …, но там немцы. Слышна стрельба легких пулеметов и минометов» (19 октября) [27]. 20 октября И.С.Шабалин погиб.

Распутица во время войны

Газета «Красная звезда», вопреки цензуре и идеологическому диктату, отмечала в корреспонденциях с Западного фронта «ужасную погоду», «преградившую путь главным силам врага»: «Все последующие дни бои шли по-прежнему вдоль шоссе. Плохая погода, глубокая грязь на дорогах сильно затруднили действия танков на широком фронте и заставили врага держаться шоссе. По той же причине прекратились действия неприятельской авиации» [28]; «Солдат Фридрих Вагнер, связной при штабе 433 германского пехотного полка, заявил: “Я уже не говорю о потерях ранеными, их в дивизии очень много, особенно во время последних боев под Москвой. Но не меньше и больных. У вас ужасная погода. Ночью сильный мороз. Днем проливной дождь и туман”» [29]; «Осенняя распутица, слякоть и грязь делают полевые дороги малопроезжими для автомобильного транспорта, или вовсе для этого не пригодными. Движение крупных войсковых соединений в таких условиях становится часто невозможным. <…> Единственными путями, по которым могут пройти моторизованные части, являются шоссейные дороги. Следовательно, для того, чтобы преградить путь главным силам врага, нужно искусно оборонять дороги. Наступившая ненастная погода значительно облегчает такую задачу» [30]; «Надо полагать, что помимо упорного сопротивления, оказываемого фашистам нашими войсками, здесь сказывается и наступившая ненастная погода, размывшая дороги и сделавшая непроходимыми растянутые коммуникации противника, что затрудняет для него доставку на передовые позиции резервов, огнеприпасов и продовольствия для частей» [31]; «…Упорное сопротивление частей Красной армии на подступах к Москве и тяжелые условия, создавшиеся в связи с наступившей осенней погодой, измотали германо-фашистские войска» [32]; «…Когда непрерывные дожди на всем протяжении фронта размыли дороги, противник стал усиленно прибегать к гужевому транспорту. Появились обозы с боеприпасами и солдатами, двигавшиеся к передовым позициям. Как видно, русские осенние дороги оказались негодными для немецкого моторизованного транспорта» [33].

Остановка немецких войск позволила перебросить на оборону Москвы боеспособные кадровые дивизии из Сибири и Дальнего Востока. Они начали прибывать в конце октября. Опаснейший период времени, когда столица осталась без защиты, был пройден. «Разделение группы армий и ужасные погодные условия в значительной степени явились причиной того, что продвижение наших войск резко замедлилось. В результате этого русские получили дополнительное время для укрепления обороны и пополнения своих поредевших дивизий», – так 25 октября оценил обстановку Ф. фон Бок. 2 ноября он повторил, что «время играет на руку противнику». 7 декабря командующий группой армий «Центр» подытожил: «Русские ухитрились восстановить боеспособность почти полностью разбитых нами дивизий в удивительно сжатые

сроки, подтянули новые дивизии из Сибири, Ирана и с Кавказа и заменили утраченную на ранней стадии войны артиллерию многочисленными пусковыми установками реактивных снарядов. Сегодня группе армий противостоит на 24 дивизии – преимущественно полного состава – больше, нежели это было 15 ноября. С другой стороны, численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава» [34]. В отчете Э.Гёппнера говорилось: «Он [противник] укрепляется почти с каждым часом. В его распоряжении находится вся сеть железных и шоссейных дорог столицы, ведущих на восток, на юг. Он связан со своим тылом и уже за несколько дней полностью восстанавливает свою сильно потрепанную линию фронта. Его самолеты могут взлетать с больших бетонированных московских аэродромов. Большевики прекрасно учитывают благоприятный момент и умело используют его. Скоро перед позициями немецких передовых соединений возникают новые дивизии и танковые бригады. Сибирская армия подходит к Москве. Одна за другой дальневосточные дивизии по железным дорогам, шоссе, минуя Москву, движутся на запад и укрепляются на позициях перед большевистской столицей. Остатки разбитых, но избежавших уничтожения под Вязьмой и Брянском советских армий комплектуются вновь, в то время как немецкие солдаты в бессильной ярости копаются в грязи и не могут сделать ни шагу до того, чтобы уничтожить противника в момент его стратегического развертывания» [35]. «Русский с умом потратил то время, что мы вынуждены были простаивать или могли двигаться лишь со скоростью улитки, – писал Г.Хейнрици. – Он сосредоточил все войска, которые сумел собрать, вокруг Москвы. Если в конце октября перед нами почти не было противника, – а если он и появлялся, то отступал, – то 10 ноября мы столкнулись с еще не укрепленной, но хорошо защищенной позицией» [36].

Стойко оборонять дороги

Наступая, немцы направляют удары основной группировки наземных и воздушных сил по дорогам. Они стремятся обойти с фланга оборону, как можно быстрее выйти в тыл наших войск, перерезать коммуникации.

Ударные клинья фашистских войск составляют наиболее подвижные части — танки и моторизованная пехота, поддержанные авиацией. Прорвав на узком фронте оборонительную полосу, неприятель пытается достичь ближайшей шоссейной дороги и вдоль ее развивать дальнейшее наступление. Суть замысла состоит в том, чтобы лишить обороняющихся времени и отнять у него возможность организовать сопротивление на новых, тыловых оборонительных рубежах. Все действия рассчитаны на внезапность атак и быстроту маневра.

Эти приемы врага мы видим и при наступлении на Западном направлении. В последних числах сентября неприятель возобновил атакованием обороны наших войск. Атаки велись на различных направлениях фронта. Несколько атак было предпринято и по соседству с шоссейной дорогой Рославль—Москва. Первые попытки окончились для немцев неудачей, их атаки всюду отбивались.

Наши части демонстративно оставляли отдельные районы обороны, заманивали наступающего врага в огневые мешки, пулеметами и артиллерией отсекали его, вновь зажимали от резервов. Разрозненные огнем боевые порядки неприятеля добивали наши контратакующие танки и пехота. Немцы поняли, что на этом участке фронта они встретились с упорной и прочно укрепленной обороной, и были вынуждены искать другое направление для применения главных усилий.

Предпринимая наступление в первых числах октября, немцы атаковали нашу оборону на всем фронте, но основной удар перенесли значительно южнее дороги. Однако при дальнейшем развитии наступление неприятель вышел на шоссе.

Как это произошло?

Сосредоточив на узком участке силы, численно превосходящие наши, немцы прорвались на город Киров. Здесь произошла рокада, которая одним концом упиралась в магистраль Рославль—Москва. Достигнув «внешними» частями Кирова, значительная группа фашистских танков и моторизованной пехоты повернула на север. Она фланговым маршем двигалась по объездной дороге. Неприятель, наступая на значительной глубине в нашем тылу, обходил оборонительную полосу, пытаясь окружить защищавшие ее войска. Путь вражеской колонны был отмечен горением фашистскими танками, подбитыми грузовиками, трупами убитых солдат.

Не считаясь с большими потерями, враг ломился вперед и достиг шоссейной дороги. Здесь неприятельские колонны повернули под прямым углом на восток и устремились в глубину нашей территории. При этом наступление немцев в полосе шоссейной дороги развивалось самостоятельно, вне связи с результатами атак переднего края обороны на ближайших соседних участках.

На каждом новом километре пути нашего сопротивление крепло, а темпы немецкого наступления постепенно снижались. Особенно упорные и затяжные бои развернулись на подступах к Малоярославцу. Видя безнадежность лобовых атак на участке шоссе, неприятель и здесь перешел к своему излюбленному методу. Он обошел укрепления с фланга, пытаясь окружить оборону.

В те дни утренние заморозки сковали ночью. Грунт на проселочных дорогах затвердел. Они оказались более пригодными для движения автомобильного транспорта. Улучшились условия маневра. Фашисты бросили свои танки и моторизованную пехоту северное шоссейной дороги.

Как известно, упорные бои на Малоярославецком направлении продолжаются и сейчас. О развитии их неоднократно писалось в «Красной звезде». Подчеркивая ход событий, предшествующих настоящим боям за подступы к Москве, нам хотелось еще и еще раз привлечь внимание на основные особенности неприятельской тактики: направлять действия главных сил и в первую очередь танков и моторизованной пехоты вдоль дорог.

Осенняя распутица, слякоть и грязь делают полевые дороги малопригодными для автомобильного транспорта, или вовсе для этого не пригодными. Движение крупных войсковых соединений в таких условиях становится часто невозможным. Немного времени остается и до зимы. Глубокий снежный покров будет затруднять движение и колесно-гусеничного транспорта, не приспособленного к войне в зимних условиях. Единственными путями, по которым могут пройти моторизованные части, являются шоссейные дороги. Следовательно, для того, чтобы прорвать путь главным силам врага, нужно искусно оборонять дороги. Наступающая ненастная погода значительно облегчает такую задачу. Обеспечат ее и глубокие снега.

Нельзя сказать, что все пути, доступные для движения врага, до сих пор не прикрывались. Забалтеременно возводились у дорог обозы, строились препятствия, отрывались противотанковые рвы, подготавливалось минирование проезжей части дорог и разрушение мостов. Но воспользоваться пашистам каждым загреждением, применить все подготовленные препятствия перед наступлением немцев, удавалось далеко не на всех дорогах. Причина этого заключается, на наш взгляд, в том, что на некоторых направлениях отсутствовала достаточная глубина в расположении препятствий. Прорвавшийся неприятель их обходил.

По дорогам передвигался и наш транспорт. Пробежав часть дороги, загражденияи не пересекательности. Все препятствия доходят до обочины или канавы дороги. А расчет на то, что все это может быть доделано в нужный момент, оказывается не всегда правильным. Кое-где препятствия на тыловых участках дорог не имели настоящего огневого обеспечения. В таких случаях не было и гочности немедленно отразить вражеские танки и пехоту на любом участке пути. Быстрота, с которой моторизованные войска передвигаются на поле боя, порой исключает возможность организации в ходе боя дополнительных работ по обороне дороги. Поэтому на каждом предорожном укреплении должны быть заготовлены группы, которые в любое время и быстро сомкнут препятствия на проезжей части дороги и защитят их огнем. Таков неизбежный вывод, напрашивающийся при рассмотрении опыта последних боев.

Глубокая оборона на дорогах обычно заставляла немцев останавливаться, подтягивать артиллерию и минометы, тратить немало времени на подготовку наступления. К обороне тем временем подходили подкрепления, она усиливалась, крепчал отпор врагу. На ряде направлений таким образом и удавалось останавливать неприятельское наступление.

Опыт показал, что на промежуточных рубежах успешно сдерживали врага те части, которые пользовались выгодами местности, прикрывали противотанковой обороной пои пути подхода, стойко обороняли дороги.

В районе Юзмова капитан Старчак со своими подразделениями успешно сдерживал вчетверо превосходящего по численности врага. Бомбят расположения роты самолеты, применять все подготовленные препятствия перед наступлением немцев, удавалось далеко не на всех дорогах. Причина этого заключается, на наш взгляд, в том, что на некоторых направлениях отсутствовала достаточная глубина в расположении препятствий. Прорвавшийся неприятель их обходил.

Капитан не успокоился на этом. Свои огневые средства наиболее плотно сгруппировал поблизости от шоссейной дороги. Здесь же и была создана прочная противотанковая оборона. Действовавшие совместно с батальоном артиллеристы прикрыли подходы дороги то поступы, по которым могли подойти к обороне фашистские танки.

Неприятельский пехотный полк с 15 танками несколько раз пытался ворваться в оборону. Каждый раз атаки захлебывались огнем на подступах к реке. Двигались небольшими пехотных группами немцев удавалось все же прорваться. Но оба раза они были отброшены назад контратаками. Ело время этих боев немцы потеряли 6 танков. Капитан прикрывал дорогу до тех пор, пока не прибыло наше подкрепление. Под его защитой подразделения Старчака, сойдясь полный порядок, отошли на новую позицию.

Местность удачно выбранная капитаном, усиливала прочность обороны. Пестрайки, роши, крутой берег реки — все это служило защитой от вражеских танков и маской, скрывавшей маневрирование огневых средств.

Особенно выгодна оборона дороги на лесном участке. Располагаясь в глубине леса, обороняющийся без особого труда может построить на дороге завалы, расставить на подходах засады, завлечь врага в ловушку. Втянувшись в лес, наступающий не может уйти в стороны, воспользоваться обходными путями для танков и автомашин. Отход и обратное движение затруднены. Достаточно подбить одну машину, как на дороге образуется пробка, движение стопорится, создаются условия, выгодные для поражения врага с воздуха, огнем артиллерии и пехоты.

При организации всякой обороны — будь то на основной позиции или на промежуточном рубеже — необходимо особенно прочно прикрывать дороги. Надо создавать противотанковые и противопехотные препятствия, прикрывая их огнем. Направление путей, их качество и тактическое значение — все это должно стать одним из основных элементов при оценке обстановки и принятии решения. Изучая местность на карте, правильно ренгонсировку, необходимо так наметить пли обороны, чтобы и направление передне края, и нарезка оборонительных участков служили одной цели — надежно перехватить дороги. Надо изучать пути, идущие не только в сторону противника, но и к ближайшему тылу своих войск и к соседям.

Каждая дорога должна быть включена в определенный участок обороны. При таких условиях за подготовку ее и оборону будет отвечать определенный командир. Например, на участке полка проходит две дороги, которые требуется прикрыть наиболее прочно. Одна, более важная, остается за командиром полка. Его распоряжением организуется огонь, по его плану устраиваются препятствия. Вторая дорога прикрывается средствами того командира батальона, перед оборонительный район которого она проходит.

Препятствия на дорогах желательно создавать и подготавливать к обороне на достаточной глубине. Следует всегда учитывать, что, чем большей участок дороги сделан недоступным для врага, тем труднее найти врагу путь обхода. Рассредоточив оборону вдоль дороги, несколькими глубокими эшелонами, мы создадим неприятелю такие затруднения, преодолеть которые он часто будет не в силах. Обойдя с фланга одно звено, враг неизбежно натолкнется на другое.

В связи с этим часто будет целесообразно ударные группы и вторые эшелоны обороняющихся войск располагать в районе дорог. Правда, одна эта мера далеко не решает всей задачи. Выходя в качестве примера гаврую группу полка — батальон, расположенный на дороге в три эшелона. Если допустить дистанцию между ротами 1,5—2 км., то при этом может быть прикрыто только 7—8 км. пути. Очевидно, через каждые 5—10 км. в глубину средствами старшего начальника должны создаваться 1—2 дополнительных оборонительных рубежа. Желательно, чтобы на всех рубежах была прежде всего противотанковая и противопехотная оборона. Отсюда и устройство заграждений, и организация системы огня, и определение нужных сил и средств.

Полковник Е. САНИН.
ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ.

Газета «Красная звезда» (1941, 26 октября)

Прибывшие части Красной армии мужественно сражались за Москву. На спасение родного города встало ополчение. Высшая помощь опиралась на массовый народный героизм как на фронте, так и в тылу, без которого победа в войне была бы невозможна. Как писала «Красная звезда», «из недр народа поднялись миллионы вооруженных богатырей» [37].

В декабре 1941 года началось успешное контрнаступление Красной армии под Москвой, но до победы было еще далеко. Великая Отечественная война закончилась триумфом советского народа. Свет Преподобного Сергия Радонежского победил тьму Сталина. «Первый раз Преподобный Сергий спас Русь от татар, второй от поляков, а третий, можно быть уверенным, – от немцев. Ибо присутствовал вместе “с воинством Света” во всех тяжелейших сражениях в

Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [38].

Примечания:

1. *Шапошникова Л.В.* Основные особенности философии Живой Этики // Живая Этика и наука: Материалы Международной научно-общественной конференции. 2007. М., 2008. С. 56.
2. *Шапошникова Л.В.* Земное творчество космической эволюции. М., 2011. С. 201.
3. *Булгаков С.Н.* Два града. СПб., 1997. С. 234.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 47.
5. *Циолковский К.Э.* Космическая философия. М., 2001. С. 29.
6. *Шапошникова Л.В.* Великое путешествие. Книга третья. Вселенная Мастера. М., 2005. С. 466.
7. *Андреев Д.Л.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. Роза Мира. М., 1995. С. 59, 72–73.
8. *Шапошникова Л.В.* Сожжение тьмы. М., 2014. С. 202–204.
9. Там же. С. 182.
10. «…Нормой был именно этот выматывающий душу страх, именно он был нашей повседневной жизнью... Страх, продолжавшийся не одно десятилетие…» (*Андреева А.А.* Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой // *Андреев Д.Л.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 16–17).
11. *Шапошникова Л.В.* Сожжение тьмы. М., 2014. С. 161.
12. 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 591.
13. *Шапошникова Л.В.* Сожжение тьмы. М., 2014. С. 183.
14. *Шапошникова Л.В.* Метаисторическая живопись Н.К.Рериха. М., 2013. С. 376.
15. Цит. по: *Исаев А.В.* Котлы 41-го. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.С. 257–258.
16. См.: «Осенние дожди и непролазная грязь сдерживали продвижение немецких боевых частей и крайне затруднили снабжение войск. <...> Как правило, погодные условия во второй половине ноября и декабре, по крайней мере в районе Москвы, нельзя назвать неблагоприятными для боевых действий. Из-за сильных морозов лужи и грязь на дорогах замерзают, реки и озера покрываются толстым ледяным панцирем, способным выдержать даже вес танков, а потому решение тактических и снабженческих проблем несколько облегчается – “генерал Распутица” уже не правит бал» (*Болдуин Х.* Битва за Москву – переломный момент в войне // The New York Times, 1941, 30 ноября).
17. Второй этап операции «Тайфун» начался 15 ноября 1941 года.
18. *Агапов А.Б.* Тайфун. Дневники Йозефа Геббельса (октябрь-декабрь 1941 г.). М., 2019. С. 30, 91, 102, 121, 123–124, 127, 152, 157, 167, 172, 181–182, 190, 232–233, 238, 242, 305, 318, 337–338.
19. *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М., Владимир, 2010. С. 429, 436.
20. *Бок Ф.* Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники. 1941–1945. М., 2006. С. 190, 193, 195, 197–198, 200–206, 210–213, 215–217, 219–222, 226, 274.
21. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. СПб., 2018. С. 105.
22. Там же. С. 115.
23. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). Битва под Москвой. М., 1997. С. 39.
24. Там же. С. 39, 41–42, 45–46.
25. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. СПб., 2018. С. 107–108, 112–115, 121.
26. Журнал боевых действий Брянского фронта с 1.10 по 12.11.1941 г. // ЦАМО, ф. 202, оп. 5, д. 64. Л. 450, 454, 460, 464–465, 469, 477, 479, 482, 492, 494–495, 500, 503, 507, 511, 513, 517, 522, 527, 531, 544, 548, 556, 562а, 569, 577, 586, 592, 604, 614, 629, 635, 642, 654, 662, 673, 680, 686, 698, 701 (см. также: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451005394).
27. Особист Иван Шабалин. «Сколько людей расстреляли вы за это время…»: Дважды трофейный дневник // *Полян П.* «Если только буду жив…»: 12 дневников военных лет. СПб., 2021. С. 80–83.
28. *Буковский К.* Враг усиливает атаки, останови его! // Красная звезда, 1941, №249, 22 октября.
29. *Милецкий Я.* Потери фашистов под Москвой. О чем рассказывают пленные солдаты и офицеры // Красная звезда, 1941, №250, 23 октября.
30. *Санин Е.* Стойко оборонять дороги // Красная звезда, 1941, №253, 26 октября.
31. *Милецкий Я., Хирен З.* Крепче удар по врагу // Красная звезда, 1941, №257, 31 октября.
32. Выше бдительность, больше стойкости и упорства // Красная звезда, 1941, №258, 1 ноября.
33. *Хирен З., Милецкий Я.* Вчера на Западном фронте // Красная звезда, 1941, №262, 6 ноября.
34. *Бок Ф.* Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники. 1941–1945. М., 2006. С. 209, 219, 274–275.

35. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). Битва под Москвой. М., 1997. С. 42.
36. Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941–1942 гг. в записях генерала Хейнрици. СПб., 2018. С. 123.
37. Наши резервы неисчислимы // Красная звезда, 1941, №255, 29 октября.
38. *Шапошникова Л.В.* Сожжение тьмы. М., 2014. С. 202–203.

17.08.2025 г.